

ВОСПОМИНАНИЯ ЭРН. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

(В ЗАПИСИ Д. Ф. ТЮТЧЕВОЙ)

Публикация К. В. Пигарева

Предисловие и комментарии Л. Н. Кузнецов

Эрнестина Федоровна *Тютчева* (рожд. бар. Пфэффель, в первом браке бар. Дёрнберг; 1810—1894) — вторая жена поэта.

Однажды Тютчев писал ей: «... я так люблю твои столь часто повторяемые и всегда столь интересные рассказы о раннем твоём детстве» (*Соч. 1984*, т. 2, с. 117). Через несколько лет, 12 апреля 1851 г., в стихах, к ней обращенных, он облек эту мысль в поэтическую форму:

Des premiers ans de votre vie
Que j'aime à remonter le cours,
Écoutant d'une âme ravie
Ces récits, les mêmes toujours...
(.)

Это стихотворение было переведено на русский язык Фетом:

О, как люблю я возвращаться
К истоку первых дней твоих
И, внемяя сердцем, восхищаться
Рассказом — тем же все — о них!

В каких цветах был луг прибрежный,
Ручья как чисто было дно,
Как много дум с улыбкой нежной
Лазурью той отражено!

Как много свежести и тайны
На тех встречаю берегах!
Что за рассвет необычайный
Сквозил в тех дымных облаках!

О детстве, понятном так мало,
Чуть упомянешь ты порой, —
И мнилось мне, что оведало
Меня незримою весной.

Четверть века спустя, перечитывая стихи отца, посвященные Эрнестине Федоровне, Е. Ф. Тютчева утверждала: «Именно этот аромат свежести и таинственности присущ моей мачехе: ничего горячего, сверкающего, — лишь свежие запахи гор и чистый, бодрый горный воздух. Она не женщина, а девушка — вечный апрель с его ливнями, преходящими снегопадами и внезапными прояснениями, с его легкими облаками, размываемыми ветром, — июльского солнца тут никогда и не бывало» (ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 198, л. 24об.; на франц. яз.).

Духовный облик Эрнестины Федоровны, натуры «поэтической, утонченной, женственной» (так характеризует ее в публикуемых записях Д. Ф. Тютчева), вырисовывается в воспоминаниях о детстве и юности, записанных с ее слов; содержат они и некоторые факты, весьма существенные для биографии самого Тютчева — в частности, рассказ о знакомстве его со своей будущей женой.

Записи сделаны в дневнике Д. Ф. Тютчевой 2 и 23 июня 1857 г. на французском яз. (*Собр. Пигарева*). Печатаются в переводе Н. И. Филипович.

В тексте публикации сделано незначительное сокращение (опущены некоторые подробности, касающиеся младенческих лет Эрн. Ф. Тютчевой и ее брата).

Я пишу это в Овстуге, ибо именно здесь говорила она мне о себе, о своей былой жизни. Все в Овстуге полно маменькой, ее прошлым, поэтичным, как сама ее натура. Овстуг, лето с его чарующим покоем и прохладой и милая моя маменька слились воедино в моем воспоминании, и когда я буду в глубинах моей души искать образ маменьки, — он напомнит мне о моей молодости в Овстуге,

где я так много жила духовной жизнью, страдая и испытывая восторг. Летнее благоухание и тревоги души — мистические воспоминания!

В аллее перед домом маменька рассказывала мне о своем путешествии по Италии до брака с папá, об очаровании итальянских городов. Пиза, где все напоминает о славном прошлом, где его не заслоняет суета настоящего, где трава растет на улицах, по обеим сторонам которых стоят необитаемые дворцы, где можно бродить, не встретив ни одного живого существа, которое помешало бы вам погрузиться во времена, давно минувшие. Генуя, где маменька купалась в море после того, как тяжело болела (никак не прекращалась диаррея, которой она страдала со времени путешествия на Мон-Блан — кажется, с кухиной Бертой¹); маменька стала там досадовать, что не видит облаков, и отправилась в путешествие, во время которого едва не утонула, переправляясь через разлившийся поток, где накануне погибли какие-то англичане. Флоренция — там маменька увиделась с папá до своего брака с ним²; об этом городе она рассказывала мне недавно вечером, когда мы возвращались с прогулки по большой дороге. Маменька сказала, что май, который она там провела, был самым прекрасным месяцем в ее жизни: каждый день праздника и такие веселые шествия в окрестностях города, а вечерами, когда она гуляла в окрестностях Флоренции, от светлячков было светло, как днем. Рассказ ее был столь же очарователен, как и воспоминания, которые она сохранила о той поре. Все кажется прекрасным вокруг, когда любишь. Каким же прекрасным должно было казаться любящей маменьке, натуре поэтической, утонченной, женственной, то, что было действительно прекрасно.

Вечерами, когда мы гуляем и заходящее солнце золотит края облаков, маменька вспоминает о своем детстве, о том, как они с братом³ обдумывали план побега из родительского дома — они мечтали спрятаться в золотых облаках. Детство маменьки — это страшная сказка. Двое заброшенных детей, не видящих ни любви, ни ласки, очень самостоятельных и предприимчивых. Однажды, когда г-н Пфэффель с женой уехали⁴, маменька с братом решили воспользоваться их отсутствием, чтобы осуществить свой план побега. Маменька положила в корзину белья, немного провизии, и дети отправились с гувернером погулять в окрестностях города. Это было во Франкфурте. Гувернер, человек рассеянный, не видел, что творится вокруг, и дети уже собрались было приняться за осуществление своего плана, когда в облаке золотистой пыли заметили коляску, в которой возвращались г-н и г-жа Пфэффель. Один только вид этого экипажа заставил их вернуться к действительности, они спрятали корзину, и этим все кончилось.

Г-жа Пфэффель сначала была гувернанткой маменьки; в этом качестве молодая восемнадцатилетняя англичанка пребывала при своей воспитаннице в течение пяти лет, прежде чем заменила ей мать. Она уделяла маменьке очень мало внимания. Пока она была гувернанткой, она относилась к своим воспитанникам с английской суровостью. Маменька рассказывала, что по воскресеньям детей запирали играть в темной столовой. По мере того, как темнота стужалась, тени росли и заполняли углы комнаты; бедные дети прижимались к окнам, смотрели, как на улицах зажигаются огни, и с нетерпением ждали минуты своего избавления. И позже г-жа Пфэффель мало уделяла внимания ученью и туалетам маменьки. И тем, что есть в маменьке, она обязана более своей изумительной натуре, чем воспитанию, которое могла получить, — натуре, кстати, столь деликатной, что до сих пор маменька не позволила себе ни малейшего замечания по отношению к своей мачехе. Уважение, которое она питает к памяти своего отца, и любовь к нему так необыкновенны и трогательны, а между тем г-н Пфэффель был как будто человек очень холодный и очень серьезный, постоянно занятый своими делами (он был баварским посланником сначала в Лондоне, затем в Париже).

Маменька родилась, кажется, в Дрездене, там похоронена ее мать, она была из рода Теттенборн⁵. Раннее детство ее прошло в Мюнхене, у бабушки с материнской стороны, там ее баловали, любили и лелеяли (...)

ЭРН. Ф. ТЮТЧЕВА

Фотография И. И. Робийяра. Петербург, (апрель) 1862 г.

Слева внизу подпись фотографа: «Robillard 1862»

Музей-усадьба Мураново им. Ф. И. Тютчева

Одиннадцать лет маменьку поместили в Сакре-Кёр в Париже, чтобы подготовить ее к конфирмации, затем она прожила год в Страсбурге, в пансионе, вместе с сестрой г-жи Пфёффель, которую очень полюбила и которая умерла от чахотки в Ратисбонне ⁶.

Маменька вышла замуж за барона Дёрнберга; она была очень молода и вышла замуж без любви. Очевидно, обстановка в отчем доме была для нее не очень приятной. Муж ее умер года через два, и маменька в 21 год осталась вдовой, богатой и красивой ⁷. Большой ее привязанностью был брат, она обожала его, они вместе путешествовали, она ухаживала за ним, когда он заболел. По ее словам, это была самая лучшая пора ее жизни — по крайней мере, самая яркая, самая чистая, самая беззаботная. Весеннее очарование, столь близкое весенней натуре маменьки.

Во Франкфурте маменька (кажется, ей было тогда 13 лет) жила в большом старинном доме с тремя чердаками, как это было принято в средневековых постройках. На его крыше селились аисты, которые неизменно прилетали 28 февраля. Этажи дома выступали один над другим, и потому внизу улица была сум-

рачной — узкая улица, обрамленная домами, похожими на тот, который я только что описала. Маменька рассказывает, что у многих соседей были соловьи, и весной, когда окна были раскрыты, улица звенела соловьиными песнями. Маменька и ее брат любили играть на чердаках дома.

Лето они проводили в окрестностях Франкфурта. Когда отец и его жена уезжали в город, маменька (кажется, ей было тогда лет 16—17) целыми вечерами оставалась в саду одна, с «Историей» Сегюра в руках⁸, любясь закатными облаками и предаваясь мечтам⁹. Как поэтичны, как чисты были ее мечты!

Я уже говорила, что во время своего вдовства маменька провела одно лето в Швейцарии. В мае она приехала из Парижа в Женеву; через несколько дней к ней присоединилась кузина Берта, племянница ее отца — дочь его старшего брата. В маленькой деревушке недалеке от города (название ее я забыла) жил пастор-католик. В начале лета маменька отправилась к нему, чтобы исповедаться и причаститься. Он вышел к ней в деревянных башмаках из крошечной убогой часовни, где сам звонил в колокол, так как жил совсем один. После исповеди маменьке пришлось воспользоваться на ночь гостеприимством этого бедняги. Она говорила, что оставила ему немного денег для его часовни; зная ее щедрость, я не сомневаюсь, что это была немалая сумма. В то лето она еще раз исповедовалась у него и пригласила его к обеду вместе с г-ном Дюби, который рекомендовал ей этого пастора (он полагал, что нищета сделает его не слишком строгим; однако, по словам маменьки, это было отнюдь не так).

Г-н Дюби был протестантским пастором, — сухой, жесткий и неприветливый. Он происходил из добропорядочной женевской семьи — из тех, что кичатся своим аристократизмом, полагая себя в праве претендовать на все, что угодно. Он был рекомендован маменьке ее мачехой и очень часто являлся к ней с визитами. Когда приехала кузина Берта (кстати, приезд ее отнюдь не обрадовал его), она открыла маменьке глаза на matrimониальные планы г-на Дюби по отношению к ней.

Маменька и кузина Берта отправились в горы в сопровождении двух проводников. Они перешли через ледники и побывали в местах, куда женщины обычно не добираются. Путешествие продолжалось 11 дней. Незадолго до поездки маменька болела корью, а во время путешествия простудилась; в результате она получила диарею, которая целый год не отпускала ее. Путешествие стоило так дорого, что по прибытии в Лозанну у путешественниц оставалось всего 20 су. Они зашли на постоялый двор и спросили яиц; маменька рассказывает, как они дрожали от страха, что за это с них потребуют больше, нежели у них было. Затем Берта отправилась к капитану парохода, курсировавшего между Лозанной и Женевой, и, рассказав ему об их денежных затруднениях, получила для обеих разрешение на поездку в кредит.

Маменька вышла замуж за папá в 1839 г. После смерти нашей матери мы уехали из Турина в Мюнхен, где жили у тетушки Ганштейн¹⁰. Маменька была знакома с нашей матерью, а меня она знает со дня моего рожденья. Когда я появилась на свет, маменька была с визитом у г-жи Сетто¹¹, это было после обеда. У моей матери благополучно окончились роды, и папá сказал об этом г-же Сетто, когда та поинтересовалась здоровьем моей матери. Маменька была тут же и таким образом узнала обо мне в тот самый день, когда я родилась.

В то время, когда маменька была еще баронессой Дёрнберг, отец ее выразил желание, чтобы она съездила в Мюнхен поразвлечься¹². Г-н Дёрнберг привез ее туда в январе. Это было время карнавала, а маменька любила танцевать и пользовалась большим успехом. Так как она была красива, ее приглашали на малые балы к королю Людвигу, и она танцевала много и с лучшими партнерами.

Это произошло в феврале на бале. Маменька танцевала, а муж ее, чувствуя себя нездоровым, решил уехать с бала, но не хотел мешать жене веселиться. Когда он подошел к ней, она разговаривала с каким-то молодым русским. Сказав жене, чтобы она оставалась и что он уедет один, он повернулся к молодому человеку и сказал ему: «Поручаю вам мою жену». Этот молодой русский был

папа́. Приехав домой, г-н Дёрнберг слег; он заболел тифом и более не встал на ноги.

Маменька рассказывала, что по возвращении домой она застала мужа совсем больным. Болезнь прогрессировала, но маменька была столь неопытна, что не догадалась обратиться к каким-либо другим врачам, кроме того, который обычно пользовал ее мужа, беспамятство же г-на Дёрнберга принимала она за признак улучшения. Когда он умер, она долго не могла прийти в себя от ужаса и недоумения. Вместе с братом она уехала из Мюнхена и отправилась в Ратисбонн (как будто). Там брат ее заболел тою же болезнью. Маменька в сильной тревоге ухаживала за ним. Она и ее кузина Берта (как будто) сменяли друг друга каждую ночь. Примечательно, что, по словам маменьки, в то время, когда при больном находилась она, брат ее был гораздо более беспокоен: пытался встать, говорил что-то бессвязное и ужасно пугал этим маменьку. В эту пору и появился Эммануэль¹³. Маменька наняла его, чтобы он дежурил у постели больного, однако с первой же ночи громкий храп возвестил ей, что он понимает бодрствование по-своему. Тогда маменька решила его уволить. Он не изменил своего образа мыслей, маменька — своего решения. Он и посейчас у нас, вот уже 23 года или более с тех пор, как его должны были уволить.

КОММЕНТАРИИ

¹ Берта *Штёлер* (рожд. бар. Пфеффель; 1803—1890-е годы) — двоюродная сестра Эрн. Ф. Тютчевой.

² Ср.: *Современники о Тютчеве*, № 28.

³ Брат Эрн. Ф. Тютчевой — К. Пфеффель (см. о нем в наст. кн.: «Карл Пфеффель о Тютчеве»).

⁴ Бар. Христиан Гюбер *Пфеффель* (1765—1834) — баварский дипломат, отец Эрн. Ф. Тютчевой. Бар. Мария *Пфеффель* (рожд. Филиппс; 1796—1872) — мачеха Эрн. Ф. Тютчевой.

⁵ Бар. Каролина *Пфеффель* (рожд. Теттенборн; 1789—1811) — мать Эрн. Ф. Тютчевой.

⁶ В альбоме-гербарии Эрн. Ф. Тютчевой (*Собр. Пигарева*) есть записи, связанные с пребыванием в этом пансионе и с памятью Элизабет Филиппс.

⁷ Бар. Фридрих Дёрнберг скончался в феврале 1833 г. (*Современники о Тютчеве*, № 8, прим. 1).

⁸ Гр. Филипп Поль де *Сегюр* (1780—1873) — французский генерал и военный писатель, участник наполеоновских войн; автор книги о походе Наполеона в Россию (*P. de Séguin. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812*, v. I — II. Paris, 1824).

⁹ Ср.: *Современники о Тютчеве*, № 31.

¹⁰ Первый год после смерти Эл. Ф. Тютчевой дети (Анна, Дарья и Екатерина) жили в Мюнхене у ее тетки, бар. Ганштейн.

¹¹ Бар. Ариане Сетто — мюнхенская знакомая Тютчевых (см. о ней в наст. кн.: «Тютчев в дневниках А. И. Тургенева», прим. 53).

¹² Супруги Дёрнберг приехали в Мюнхен из Ратисбонна, где они жили постоянно (*Современники о Тютчеве*, № 8, прим. 1).

¹³ Эммануэль (Эммануил) *Тумá* (1802—1886) — после женитьбы Тютчева на Эрн. Дёрнберг стал его камердинером и оставался при нем до последних лет его жизни.